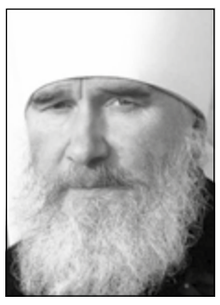
КЛИМЕНТ,
митрополит Калужский и Боровский

Книга о природе, человеке и человечности

О книге Павла Кренёва «На Севере, на Летнем берегу»



Премия имени Сергея Тимофеевича Аксакова литературного конкурса Русской Православной Церкви «Новая библиотека» в этом году присуждена Павлу Григорьевичу Креневу за книгу повестей и рассказов «На Севере, на Летнем берегу».

У этой книги много достоинств, но сегодня мне хотелось бы поговорить о том, как в ней представлены человек и природа. Летний берег – удивительное, живописное место около Белого моря, где есть густой лес.

Человек, понимающий природу, собирает ягоды, грибы, ловит рыбу, выходит на охоту, но он не губит природу, а относится к ней бережно. Он ничего просто так не портит и не ломает, никого зря не губит. Такой человек знает, когда можно охотиться, а когда нельзя.

Павел Григорьевич напоминает, что для современного горожанина зачастую охота – злое развлечение. Он вполне может прожить, не убивая диких животных. В деревне же в описанные годы – это способ получения того, без чего человеку невозможно было бы выжить, прокормить семью: еды и шкур диких животных.

Охота и рыбалка ради самого необходимого отличается от вреда, причиненного природе по прихоти, злому умыслу или же недомыслию. Человек – не властелин, которому можно абсолютно все. По мысли автора, он – гость в большом доме, в котором есть еще сотни, тысячи обитателей. Обрывать жизни зверей, птиц, насекомых просто потому, что этого захотелось, люди не должны.

У Павла Григорьевича Кренева есть пронзительный рассказ «Успокойсь» о людях и рыси, лишившейся детенышей: одного придавил тяжелый сук, второго убил охотник Шурка. Он даже не сомневался, выстрелить ли. Когда осознал, что убил маленького тощего рысенка, да еще и линяющего, то понял: выгоды не извлечет. Шкура не годилась для продажи, рысенок ему был совсем не нужен. И все же безжалостный охотник решил, что добычей можно похвастаться. Никто до него рыси не убивал.

Мать прибежала поздно: человек выстрелил и унес её детеныша. Она шла следом и надеялась сына освободить. Думала, что тот ранен.

Человек, заметив рысь, изменил план. Другу он сказал, что котенок рыси хотел прыгнуть на него и неожиданно напасть. Он был вынужден стрелять.

Когда близкие люди Шурки понимают, что рысь не оставит своего обидчика в покое, они уезжают. Оставшись один, герой рассказа чувствует отчаяние и пытается оправдать самого себя, говоря, что рысенок подвернулся случайно. Но природа неумолима к охотнику, причинившему бессмысленный вред.

Наконец Шурка понимает: какая бы ни была у него хорошая рыбная ловля, как бы ни надеялся он получить за улов большие деньги, остается ему только одно – уходить: «Перед тем как завести мотор, он долго сидел, … внимательно и задумчиво вглядываясь в кусты и лес, будто хотел напоследок увидеть зверя, который заставил его покинуть эти места. Потом поднялся, зачем-то снял кепку и сказал:

– Ты это, не помни худо. Понял я все… Успокойсь…».

Внимания заслуживает и рассказ «Первый бал Пеструхи». Мир птиц интересен, сложен, и здесь тоже случаются трагедии. Человек уничтожает живое, даже не подумав, нужен ли ему охотничий трофей.

Люди и волки – герои повести «Белоушко». Дикие животные кажутся жестокими, человек проявляет ответную агрессию, но даже в таких случаях остается место жалости.

Человек охотится на волков. Его собака губит почти весь выводок. Волчица мстит собаке, человек ставит капкан на волчицу. И все же он не способен погубить волчонка, доставшегося ему буквально в руки.

Подросшего зверя охотник выпускает в лес. Позже, когда идет облава на волков, охотник узнает того самого выросшего волка и дает ему уйти. Сильное животное приносит своему спасителю гостинцы, а потом, уходя с молодой волчицей из этих мест, издали прощается с человеком.

Природа живет по своим законам. Порой они очень суровы, но человеческое милосердие к слабому оказывается сильнее их.

Думаю, только человек, по-настоящему любящий природу, мог так детально и точно раскрыть темы взаимодействия людей и животного мира. За этот кропотливый труд, за любовь к окружающему миру и пробуждение добрых чувств в читателях Павлу Григорьевичу Креневу была вручена премия имени Сергея Тимофеевича Аксакова.

Валерий ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ

Неведомый доселе рассказчик

О прозе Виктора Фролова

Издательство «Литературная республика» выпустила небольшую книгу рассказов Виктора Фролова «Туристы». На книгу сразу появились положительные рецензии, отклики и суждения.

Будучи много лет знакомым с автором заочно, при личной встрече в МГО Союза писателей России наши отношения с Виктором Геннадиевичем вскоре стали дружескими. К сожалению, работая рядом в писательской организации, видя друг друга каждый день, обрастая мелочами, которые не всегда продуктивны, прочитать созданное коллегами удается нечасто. К слову сказать, последнее суждение абсолютно не относится к Виктору Фролову. Он не только с интересом читает произведения своих товарищей, но и пишет о них. Причем, оценки его глубоки, объективны и профессиональны.

И вот передо мной книга «Туристы». Мягкая обложка, достойное предисловие и портрет автора. По внешнему виду сборник напоминает любимые мною в годы студенчества «Пестрые рассказы» Антона Чехова. Да и облик Виктора Геннадиевича сродни Антону Павловичу – высокий, статный, с бородкой, голос густой, низкого тембра, разве что очки – не пенсне, а обычные – с темными стеклами. Вот такой чеховского склада человек Виктор Фролов, и к тому же незаурядный писатель.

В предлагаемом читателю небольшом сборнике автор сумел отразить с художественной зоркостью и художественной честностью не только, по выражению Горького, «свинцовые мерзости» нашего времени, но и наполнить свои рассказы гармоническим чувством слова и высокого уровня литературным мастерством. В книге нет общих мест и мудрых пошлостей, а название «Туристы» совсем не выглядит неким сарказмом, ибо с тех пор, как наша нация стала населением, отправилась массовым исходом за границу, то вполне логично превратиться ей и в туристов в поисках своей идеологии и смысла жизни – «этого посоха с крыльями». Если к вышеперечисленным достоинствам автора добавить завидную наблюдательность, четкую прорисовку образов, предметов и деталей, чувство неподдельной доброты к своим героям, несудейскую горечь к заблудшим, то можно прямо сказать, что книга «Туристы» не только образует «самую субстанцию современного русского уклада», но и становится незаурядным явлением в нашей прозе.

Как известно, «рассказ – это выработанные столетиями «условия обитания» слова в литературе». И, тем не менее, этот жанр – один из молодых эпических жанров. Надо заметить, что в последние годы крупные писатели редко обращаются к такой форме литературы. Вот почему данная книга вызывает особый интерес. Чем же хорош этот сборник рассказов, какие в нем отличительные черты? Прежде всего, автора выделяет индивидуальная словесная ткань. Она пульсирующая, живая, насыщена действием, умением неотрывно держать читателя в напряжении и вовлекать в общий художественный замысел. Отличительной особенностью прозы Виктора Фролова является и литературный стиль, это тайное прибежище писательского характера, свойств его души. Он кажется ненавязчивым, но цепким и властным; он лиричен, но вместе с тем нередко наполнен огнём вспыхивающего негодования, и в то же время его характеризует трогательная отзывчивость к людским невзгодам, сердечная забота о человеке в разных ситуациях жизни.

Когда знаешь автора близко и замечаешь на страницах книги печать его души, то возникает множество открытий личного свойства и понимания того, из каких человеческих глубин рождается литературное призвание и его воплощение. Герои Фролова, хотя они и «туристы», не развлекают, они вовлекают читателя в поток российской действительности.

В рассказе «Ветеран» герой (по всей видимости, полковник спецназа) надолго прощается с женой. Его, как военного специалиста, вновь возвращают в строй. Когда он вернется, оба не знают.

Весь рассказ написан на полутонах, на общении, в котором больше молчания, недоговоренностей и огромной любви и веры, что и на этот раз судьба будет милостива, все обойдется, и муж вернется живым. Рассказ занимает четыре страницы, он написан нахлестом, кусочками, набросан акварельно, но щемит сердце от этого прощания; за каждой строкой – второй план, за этой, казалось бы, недоговоренностью вся жизнь военного человека, его отношение к родине, к долгу… Рассказ своим глубинным подтекстом устремлен к тем, кто воевал в Афгане, кто сражался на той, Отечественной войне, на которой была не только смерть и кровь, потери и «пыль, да туман», но было то, что крепит нас по сию пору – Великая Победа. Не исключено, что и сегодня, совсем в ближайшее время, кому-нибудь из ветеранов позвонят и скажут: «Ну, здравствуй! Надеюсь, узнаешь начальника? Хватит дурака валять, дело для тебя есть. Думаю, за новостями следишь?».

По способу проникновения и постижения характеров своих персонажей Виктор Фролов выработал свой отличительный метод, такое впечатление, что он прорастает в души своих героев.

Взять, к примеру, рассказ «Туристы», давший название всему сборнику. Рассказ состоит из двух действий.

Трое молодых людей, выпускников школы, проводят отдых в Анапе. У всех троих «громадье» планов, грёз и мечтаний. Все они разные, речь каждого самобытна, лица и характеры прописаны автором отчетливо. Но вот наступает второе действие – встреча через двадцать лет. В ней подводится итог, пусть не окончательный, но жёсткий и по-своему зловещий.

Сюжет, казалось бы, известный – в литературе и драматургии отработанный. Но почему в данном случае всё так неожиданно, так по-новому и так узнаваемо? Ответ простой и ясный: талант – есть дело неслучайное!

В своей книге Фролов так глубоко заглядывает в бездны нашей современной жизни, так профессионально разбирается в причинах и следствиях перерождения, случившегося с нами за последние двадцать лет, что невольно понимаешь и беды писателей, работу которых власть иногда воспринимает пренебрежительно, суживает их территорию деятельности, их служение правде и своему Отечеству.

В истории литературы есть авторы давно признанные в жанре рассказа, есть в нём и свои корифеи. Из западных мастеров вспоминаются Эдгар По, О`Генри, Джек Лондон, из русских – Чехов, Бунин, Куприн, из советских – Шукшин, Юрий Казаков…

На наш взгляд именно Юрий Казаков, с его лиризмом, русскими и православными ценностями, с умением понять «великую разницу между «мужским и «женским» началом», с возможностью поднять «вечные темы», наиболее близок Фролову. Впрочем, в замысел этой статьи не входит задача поставить талантливого автора по ранжиру и определять его место в литературе. Сегодня творческий путь писателя Виктора Фролова входит в пору зрелости и подобная перспектива – дело будущего. И лучше всего это сделает время. Мы же предвосхищаем такое чтение, без которого читатель никогда уже в дальнейшем не обойдется.

Проводы века

Александр ЛЕОНИДОВ

О романе Игоря Бахтина «Предновогодние хлопоты»

В романе «Предновогодние хлопоты» питерского прозаика Игоря Бахтина перед нами предстало огромное и подробное полотно минувшего XX века, позволившее распрощаться с памятным столетием, фантомные боли от которого многие из нас ощущают ещё и сегодня. Лично для меня это ощущение очень важно: отпустить от себя минувшее, закрыть эту главу жизни, ощутить, наконец, с опозданием, которое продолжается уже годами, приход «миллениума», и конец тысячелетия, в котором мы родились. Бахтин сумел соорудить своеобразный многомерный *срез* минувшего, как это делают в лабораториях, готовя препараты для микроскопа.

Он сумел написать историю народа, которая всегда отлична от истории царей и царств, правителей и полководцев, и которая живёт, как правило, только в обобщающих образах художественной литературы. Писать исторический срез народной судьбы очень трудно: ведь одновременно приходится и обобщать до типовых образов, и конкретизировать до узнаваемого каждым реального соседа или однокашника.

В определённом смысле роман Бахтина, это, среди всего прочего – ещё и сборник интервью с современниками. Самые разные люди, высшего и низшего ранга, говорят и говорят, порой весьма многословно – о себе и собственном угле зрения. Из множества углов складывается замысловатая фигура, кристалл эпохи…

Бахтину, на мой взгляд, это удалось – заставить время говорить, расцветить свою эпоху множеством самых разных диалогов, из которых в основном и составлен огромный роман. Удалось передать разные точки зрения на страх и отчаяние, надежды и упования, заблуждения и разочарования «лихих 90-х».

И если ряд писателей у нас определяют, как представителей «деревенской прозы», то можно говорить о Бахтине, как о представителе «городской прозы». Как о том, кто традиции писателей-деревенщиков сумел перенести на свою, мегаполисную тему *малой родины* в большом городе.

С тонким пониманием и любовью раскрывает Игорь Бахтин красоту традиций быта и труда уходящей городской натуры, всех тех, кто хоть и вырос на асфальте – но сумел сохранить себя в гармонии с природой. Главная цель авторского исследования заключается в том, чтобы выявить линии развития, соприкосновения, а также переломы в темах, проблемах, мотивах, в манере отражения жизни внутри человека «смутного времени».

Бахтин поднимает такие важные проблемы, как вопрос традиций человечности и отторжение их «выползнями» бесчеловечного нового быта. Осмысляет их многоголосо, устами людей разных слоёв и судеб. И это очень интересно современникам, но убеждён – ещё более интересно будет потомкам, которые попытаются осмыслить пройденный страной путь, понять отцов и дедов на смутном переломе эпох.

Игорь Бахтин досконально знает подноготную современности и умеет извлекать из этого поистине многострунного инструмента все многообразие образов от тяжелых сочных обитателей криминального низа до возвышенных искателей, чьи развёрнутые глубокие диалоги напоминают порой академический диспут.

Характерна традиционная и пышная, византийская масштабность русской литературы, когда от рассмотрения внутреннего мира и жизни одного человека Бахтин переходит к обществу в целом и реалиям современного, очень дефектного и повреждённого мира, а дальше пытается проанализировать место всей России в настоящем и будущем человечества. Смыслов и планов отображения у него много, что, вероятно, делает роман сложными для восприятия современных читателей, привыкших к разжёванному и пюреобразному тексту.

Но Бахтин вместе со своими персонажами ищет путь к Богу. Искра божественного искания разгорается в романе всё ярче и ярче, и перекликается с тревожными буднями богоотступничества. Бахтин помогает нам отыскать себя, на примере своих героев научиться жить и дышать в серных парах нынешних реалий, и вместе с очень обаятельными, живо и сочно прописанными им персонажами отыскать во мраке бытия искру небесного света.

Думаю, даже человеку морально очерствевшему и чуждому драмы русского разлома эпох остаться равнодушным будет сложно, если он прочитает подробные *репортажи* с питерских улиц от Бахтина. Перед нами предстаёт многоголосая панорама, отвечающая на вопрос: как устроен этот сложный, противоречивый, но всё-таки прекрасный мир. Иногда это гимн бытию, иногда – хроники отчуждения. Зачастую они оставляют читателя в задумчивом и, может быть, даже грустном настроении, но пробуждают и немало светлых эмоций.

Проза Бахтина кажется жёсткой и угрюмой, но захватывает вдумчивого человека и не отпускает до самой последней страницы. В ней чувствуется неподдельная страсть и обострённая, израненная искренность, которой людям подчас так не хватает. Раскрываются порой неяркие, с виду обыкновенные, но всегда честные истории, в которых на равных правах сосуществуют и приметы времени и вечные вопросы жизни. Они помогают нам, читателям, посмотреть на жизнь человеческую со стороны и узнать в таких знакомых персонажах, возможно, самого себя.

Мы с Бахтиным – единомышленники, я чувствую в его текстах созвучие, и потому не могу считаться, наверное, объективным критиком, но всё же, мне кажется, каждому очевидно: избранный Бахтиным способ художественного осмысления доказал, что он способен не только освоить в литературном преломлении новый, глубоко «нелитературный», по сути, тип общества, но и сформировать своеобразную *поэзию* социального романа.

Да, в определённом смысле расшатывая классический тип литературной условности. Да, подвергнув серьёзной ревизии языковые нормы риторической традиции. Да, создавая удивительный гибрид высших стандартов русского, «питерского» литературного языка и народных говоров декласcируемой «отвязной» среды. Тех, что вторгаются в местами просто академическую ткань интеллигентной речи «от автора».

Человек Бахтина – это образованный, мыслящий человек с развитой речью, кото-

Путешествие в Южную Мангазею

Сергей КОЗЛОВ

О книге Киора Янева «Южная Мангазея»

Списано художником Сальвадором Дали
у художника Ивана Селиванова,
и художником Ван Гогом
у художника Владимира Корбакова
Вместо эпиграфа

Книгу Киора Янева «Южная Мангазея» я заказал на ОЗОНе. И, как оказалось, купил последнюю. Любителей лёгкого чтения предупрежу на берегу – это гипертекст и метатекст, где количество метафор и образов на один квадратный дециметр бумаги превышает все максимально допустимые концентрации и нормы, и, в то же время, это не заумь ради зауми – у книги есть и сквозной сюжет и всяческие бэквокалы и бэкграунды, а главное – умопомрачительная поэтика, тонущая в неотторгаемой советской ностальгии, помноженной на мифологемы от древности до наших дней и необозримую ойкумену от Европы и до Азии, от египетских пирамид до московских брежнёвок и питерских дворцов. Сначала книга воспринимается как водопад, ну, или как каскад. Удержитесь на плаву, тогда вас ждёт увлекательное путешествие во времени и пространстве в город под названием Южная Мангазея – то ли в Азию, то ли в Германию, с остановками на всяческих промежуточных станциях вашего то ли поезда, то ли дрезины. Варианта два – вы либо имеете визу в этот город, либо вас выбросят как диверсанта для встречи со Штирлицем на парашюте. Мой товарищ, только заглянув в текст романа, заметил: «Да он лузгает метафоры, как семечки!». Образно и точно.

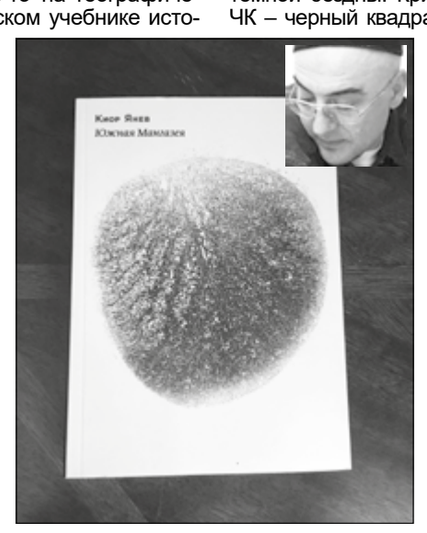
Что это? Постимпрессионизм? Но не пресловутый постмодернизм – это точно. Умишка у постмодернистов на такое не хватит. Ясно, что с точки зрения художественного текста, это некое новое пространство, ниша, – в общем, кому как понравится. В любом случае и Джойс, и Павич, и Андрей Белый, и Саша Чёрный, пугливо курят в сторонке. (Это моё мнение!) Разве что Платонов тихо улыбается, а Хлебников выписывает Киору Яневу удостоверение будетлянина, а Борхес грозит из-за океана пальчиком. Еще два слова о тексте: в нем есть смысл и связь – значит, это текст, в нем есть музыка, значит – это поэтический текст. Ну были уже в России поэма в прозе и роман в стихах, а это вот и то и другое, да ещё и ретроспективное исследование метафизических пространств.

Автору я написал: «Я просто радуюсь, когда вижу и слышу, как кто-то хорошо поёт. И неважно проста ли его песня, как капля росы, или он заставил её переливаться отражённым в ней миром. Важно, чтобы гармонично и хорошо… как будто тебя уронили в наслоение картин постимпрессионистов…». По мне – и гармонично и хорошо. Вот только шрифт в книге мелкий, за что не премину попенять издателю, хотя ему надо памятник ставить за то, что не издаёт ширпотреб, а издаёт медленные книги. Ну пусть будет голубиная капелька на его памятнике от людей с «севшим» зрением.

Другой мой товарищ, читая «Южную Манагезею», вспомнил, что это похоже на Фернандо Пессоа "Книгу неупокоя". Я пожал плечами: это лучше. Во-первых, это не банальная абстракция и не железобетонный авангард, во-вторых – великий и могучий даёт художнику больше возможностей, чем португальское вино. Я же, читая, часто вспоминал своего сербского друга – блистательного Горана Петровича… А сам пишу Киору: «Я понимаю, что такую прозу, как у вас, читают не для обретения и выискивания сюжетной линии, а собирая бисер разорванных ассоциативных рядов, пытаясь заглянуть в узелки их приобретений. Но как консерватор, глубоко уважающий качественную художественную новизну, я всегда, помимо пресловутой сюжетности, коей болею сам, ищу и каких-то "верхних-высших" смыслов, потому как утверждение "искусство ради искусства" мне кажется пустым, иногда падающим до "искусство ради искуса"…». И жалуюсь ему же: «Давно мне не требовалась энциклопедия, чтобы читать…».

Автор же мне отвечал: «Будучи филологом сухого мюнхенско-структуралистского разлива, раньше конечно был согласен с набоковскими лекциями о том, что любые «идейности» портят «художественность», ибо сводят сложное к простому. Но лучше воздержусь…». Он не хотел, чтобы я понимал его роман, исходя из чего-то хоть самого «чеготающего», а о себе говорил кратко: *«Я родился в Средней Азии, на границе с Китаем. Детство провел в Киргизии, школу закончил в Алма-Ате, где мой отец (бессарабский болгарин, кстати) был министром тамошней легкой промышленности. После школы – Москва и Германия… По поводу локации Южной Мангазеи есть разные мнения…»*.

Как представитель северной Мангазеи я не стал размещать южную где-то на географических картах. Только в советском учебнике истории и атласе памяти самого Киора Янева. Так мне проще. Тем более, что «Южная Мангазея» – это состоявшийся миф. Меньше всего мне хотелось бы давать какие-то чёткие определения просто потому, что для этого есть специально обученные дяденьки и тётеньки с большими научно-филологическими статусами, а я всего лишь член клуба умствующих читателей. Но критики и филологи упорно пытаются определить местонахождение Южной Мангазеи. Кто-то нащупал её в Азии, другие у Алтайских хребтов, но я выстудил мозги в своей северной Мангазее, и быстро понял (решил?), что Южная Мангазея – это коллективная цепкая память автора и его героев, причудливая и хитрая на выдумки (знаете, которая где надо приукрасит, а где надо – подчернит), разбросанная во всю ширь по карте Евразии, и даже ввысь – до ресторана (чайханы) «Седьмое небо», в коем (коей) и мне довелось побывать.



Вы просите кусочек сюжета для затравки? Нате… Верховный орк – вероятно Сталин – отправляет через своего главного сатрапа в немецко-германский тыл врага худенькую сказочную девушку азиатку Сольмеке – и жертву режима и героиню-разведчицу-колдунью одновременно, где она встречается с местным Штирлицем в баварском городе, которому удастся избежать варварской бомбардировки союзников… А значит, это не про ёжика в каске и не «Бойня №5». А главный герой Ян – Янус – Янев – любое и абсолютное я – Инь и Янь одновременно – собственно идёт по этой Евразийской памяти сквозь немецко-азиатскую Клару Айгуль, а значит, и через её память, и ведёт за собой растерянных, но впечатлённых читателей. Ну а в конце, для самых терпеливых и жаждущих – кино! Приложение «Фильмотека», которое можно рассматривать как отдельное произведение, впрочем, и каждый фильм в ней – тоже. Так что перед вами не популярный путеводитель, где можно мельком окинуть буквенным взглядом достопримечательности. Перед вами именно роман-гипертекст «Южная Мангазея». Да, забыл сказать, среди немцев нашлись герои, рискнувшие его перевести на один из языков автора!

Приложение из нашей переписки с Киором. Из моего письма Киору:

«Если я говорю о текстах, то всегда говорю как читатель. Не как писатель. Как писатель я уважаю право каждого рисовать то и так, как тому вздумается. Нравится человеку рисовать черный квадрат – пусть старается. Я даже могу пару часов изливать для экскурсии великие смыслы темной бездны. Кричать о новом слове. Но это ЧК – черный квадрат. И ничего больше. Бывает, прочитаешь филигранную вещь, читаешь – и по усам мед течет, но именно, что по усам, внутрь не попадает. После прочтения возникает вопрос: а что я получил от прочтения? Это как ночь с красивой проституткой. Оргазм был, ты ее со всех сторон облапил, все места потрогал, бросил на тумбочку червонец и ушел. Может, потом еще вспомнишь… Но не более. Или ты читаешь прекрасный текст. Выверенный. Умный. Но… Нет, не с того начал. Сегодня всякий, кто написал три буквы на заборе, уже считает себя писателем. Но вот ты читаешь прекрасный текст, и вдруг – человек, которого ты посчитал писателем, тоже "радует" тебя тремя буквами с забора. А ЧО? Реализм. Сермяжная правда жизни. Из нее х…р торчит! И на небе вместо луны – соответственно то, на что он торчит. Ох, удивил меня художник! Ох, порадовал. Опустился до заборного писателя или и был там? Сколько очков хотел заработать на древнем фаллическом культе? Это как – рисовать я не умею, но проведу перфоманс – порублю иконы, ибо это лубок. "Троица" Андрея Рублева? А ЧО там? Ваш текст мне однозначно показался новым, гипертекстом. Метафоричным в кубе, а, может, и в большей степени. Но и "Тихий Дон" – это гипертекст. Это песня. Эпос и песня. И в тоже время простой рассказ Алексея Толстого "Русский характер" – это гипертекст. Потому что в рассказе без особого изыска, но с огромной точностью заложена душа русского солдата. Как-то так…».

И Киор мне ответил 26 фев 2021 г., 13:14:

«И всё-таки, Сергей, вы рассуждаете именно как писатель) Потому что читатель (структуралист, моя альма-матер) мог бы строже сказать – «рисование» и «познание» (как ваши термины) это просто элементы текста, в первом случае банальные, шаблонные, а во втором несущие новую художественную информацию. А получается она тогда, когда автору удается создать оригинальный художественный прием. Только это и является критерием качества художественного текста – количество новой художественной информации на единицу текста. Вот, как-то на американском семинаре взяли стихотворения Мандельштама и Бедного, зачеркнули по слову в конце строк и дали студентам, чтобы они догадались что зачеркнуто – что у Мандельштама, не смог никто, что зачеркнуто у Бедного, угадали все…».

ЭПИЛОГ:

Я не пожалел времени на этот удивительный текст.

Я побывал в Южной Мангазее, у нас с автором там много общих тайн и точек пересечения, даже есть общие взгляды на некоторые улицы, дома и события, разбросанные по карте истории.

Мы с автором видим и рисуем по-разному, но ему удалось заставить меня на время прочтения принять правила его замысловатой игры.

Посоветую ли я своим друзьям отправиться в путешествие в «Южную Мангазею» по Транссибу, похожему на американские горки, которые в самой Америке называются русскими? Так уже посоветовал, но и предупредил: на вокзале отключите обывательскую опцию «зеваки» и помните – это не «Клуб кинопутешествий», а за запылённым вагонным стеклом… Ну, сами увидите. Для кого-то это будет своеобразная прогулка по Эрмитажу или спасенной Дрезденской галерее, а для кого-то тот самый ямальский волок в ту самую настоящую Мангазею, о которой мечтали, как о колонии, не тот самый не Мюнхаузен, а вполне себе реальные англичане, и, в конце концов, – Новая Мангазея – если, кто не знал, это Туруханск, где отбывали ссылку те самые Сталин и Свердлов. А я, собственно, и живу недалеко от легендарной первой Мангазеи…

Попробуйте читать, я же пошёл досматривать фильмы в фильмотеке-путеводителю по Евразии, мифологии и литературе от Киора Янева.

Полюбившаяся цитата: «Деньги – пощечины Бога человеку», принадлежит одному жителю раненого города. Нашего смертельно раненого мира.

Киору удалось главное: пронести любовь и к красоте, и к неприглядности, и к великому, и к малому. Она неприметно тянется через текст. Это откуда-то из детства. Во всяком случае, я так почувствовал…